

Дневниковая экзистенциальная повесть Елены Данченко никого не оставляет равнодушным. В моём лице писательница обрела благодарного читателя. Дело в том, что я провёл около трёх лет в госпиталях и знаком с больничными условиями не понаслышке. Но лечили меня ещё в советских больницах. А что происходит в современных лечебных заведениях за рубежом? Например, в Европе? Книга Елены Данченко даёт нам возможность побывать в непривычной для отечественного пациента обстановке. При чтении книги у читателей возникает ощущение почти физического присутствия в нидерландской больничной палате. «Морковка для лошади Синтер Клааса» – это авторская исповедальная проза, которая вызывает прилив сострадания к людям, помещённым в больничные условия. Книга очень личная, выстраданная, прожитая.

Елена Данченко обладает незаурядным литературным талантом. Она превращает сагу о человеческих страданиях в незабываемое путешествие, в котором наслаждаешься и языком автора, и живописными, часто сатирическими персонажами, которые проходят перед глазами главной героини. Тем не менее читателю может показаться, что героиня попала не в лечебное заведение, а в дурдом. (Написал – и улыбнулся: ведь сумасшедший дом – тоже вполне себе больница!). Елена описывает больничные будни с изрядной долей сарказма и чёрного юмора. Когда человек нездоров, у него обостряются все чувства, тонкой кожей он чувствует любую несправедливость, а голландская больница – заведение довольно строгого режима.

Экзотично уже то, что в тамошних лечебных заведениях для мужчин и женщин существуют... общие палаты. Такое у них понимание гендерного равенства. Это создаёт бытовые проблемы для пациентов, особенно для женщин. Врачебные процедуры, начиная с поликлиники, напоминают хождение по мукам. Пациента «динамят», говоря языком сленга, поскольку анализы и обследования, абсолютно необходимые для операции, предлагают делать в разных больницах, но не в той, где, собственно, операцию будут проводить. Вдобавок ко всему, у автора, Елены Данченко, а она и есть главная героиня повести, очень подвижная нервная система, что часто свойственно творческим людям. Поэту, попавшему в лапы эскулапов, тесны любые рамки, а деятельность лечебных учреждений повсюду регламентируется строгими законами, которые к тому же повсеместно нарушаются самими медиками. Любая малость, любая деталь может вывести пациента из себя. Но любая малость может и обрадовать, и укрепить дух. Однажды Елена увидела в душе больничной палаты шахматный пол и сразу подумала: это мама помогает с небес. Мама писательницы была сильной шахматисткой, входила в состав сборной Молдавии по шахматам. Когда родилась Елена, маме пришлось оставить шахматы: она не могла ездить по соревнованиям, поскольку не с кем было оставить ребёнка. Темперамент Елены Данченко, унаследованный ею от матери, часто вредит ей, но часто и выручает, когда нужно постоять за себя и за свои права.

Люди, даже одной национальности, все разные. То, что одному человеку представляется важным, другому кажется ничтожным, и на этой почве даже между здоровыми людьми возникают конфликты. Как же нам быть? «Быть или не быть? – вот в чём вопрос». Жизнь учит нас терпимости. Однако терпимость и толерантность – вещи разные. В толерантности велика доля политики, поэтому она часто бывает со знаком «минус». И об этом повествует в «Морковке для лошади Синтер Клааса» Елена Данченко.

Споры между россиянами и голландцами идут вокруг пресловутой политкорректности, младшей сестры толерантности. Есть кардинальные различия между русским и европейским менталитетом. Нам кажется, что у них всё вывернуто наизнанку. Прикрываясь ложными представлениями о приличиях, уроженец Нидерландов ведёт себя вроде бы мягко, но неестественно и издевательски, проявляя, по выражению Елены Данченко, «нежный фашизм». Иноплеменницу гнобят за то, что она не местная, но делают это в рамках закона. Не подкопаешься. В основном это свойственно врачебному персоналу голландских больниц. Вначале мне показалось, что такова местная специфика. Но такой же «весёлой» и негостеприимной для Елены, со своими «прибамбасами», оказалась и больница в испанской Андалусии. Исторически сложилось, что в этой испанской провинции жили цыгане. И, видимо, «цыганщина» вкралась и в быт местных больниц. По закону Андалусии, пациент может подселить к себе в палату здоровых родственников. Для этого в палатах предусмотрены специальные кресла. Родственники больного могут остаться в палате на ночь, они могут даже жить там вместе с пациентом до выписки. Чем не цыганский табор? Русского человека, конечно, это шокирует. Больному-сердечнику хочется тишины, внимания и, если не любви, то хотя бы покоя, тем более, что покой совершенно необходим для этой категории больных.

Помимо «Синтер Клааса», в книге Елены Данченко представлены тринадцать рассказов и два очерка. Два рассказа из тринадцати, «Анна из Верхних Альп» и «Бабочка», обладают, на мой взгляд, потенциалом повестей. Читая новую книгу Елены Данченко, я сделал неожиданное открытие. Одну и ту же историю Елена рассказывает два раза: первый раз – как постороннюю, с чужими иноязычными персонажами, а затем как свою собственную, глубоко личную. Ни у кого из писателей я не припомню такого драматургического хода. Конечно, в рассказе «Вот такое кино» акцент перемещается на образ отца героини, о котором в «Анне из Верхних Альп» сказано вскользь, что он был добрее матери. На боевой характер мамы писательницы, возможно, повлиял страшный концлагерь Равенсбрюк, в котором ей пришлось мучиться три с половиной года. Мамин концлагерь и дочкины больницы – два пика человеческих страданий в новой книге.

Рассказы Елены образуют с повестью о Синтер Клаасе смысловое единство. Тяжёлые испытания часто пробуждают у человека скрытые до поры до времени возможности. Пример Елены Данченко и её родителей подтверждает: Господь наградил нас самыми разнообразными талантами, которые долго могут находиться в «спящем» состоянии. Так, например, шахматные способности у мамы Елены открылись уже в зрелом возрасте. Испытания и утраты компенсируются и уравновешиваются пробуждёнными способностями. «Просто выжить на войне – уже подвиг», – говорит в своём монологе мама Елены. Характер человека закаляется в борьбе с неблагоприятными условиями. Но надо держать хвост морковкой, даже если морковка предназначена для лошади!

Название книги – «Морковка для лошади Синтер Клааса» – звучит непривычно для русского слуха. Но в таком названии, мне кажется, есть свой резон. Писательница словно бы подчёркивает своё положение иностранки среди аборигенов, «чужой», которую местные люди постоянно норовят задеть из-за её акцента, «лошадки», перед носом которой держали «морковку» – символ операции, которую пришлось буквально выгрызть у равнодушной системы. «Морковка для лошади Синтер Клааса» – книга о человеческом достоинстве, о том, чего нельзя купить ни за какие деньги. Книга Елены Данченко помогает нам преодолеть искривлённость нашего мировоззрения: мы по старинке думаем, что везде в мире хорошо, и только у нас – плохо. Но это совсем не так, поэтому такие честные книги нужны. Они воодушевляют и побуждают нас не сдаваться в сложных ситуациях, которые нам то и дело подбрасывает жизнь. «Бороться и искать, найти и не сдаваться», – вспоминаются слова Альфреда Теннисона, которые высечены на могиле полярного исследователя Роберта Скотта.